

✓ *Михаил МАТЛИН*

СЛОВО ОБ АБРАМЕ НОВОПОЛЬЦЕВЕ

Весьма символично, что в Год литературы мы наряду с признанными и, несомненно, составляющими гордость отечественной художественной литературы писателями, поэтами, драматургами, связанными с нашим краем, чувствуем человека, не творившего ни в одном из перечисленных родов и жанров, вообще ничего в этой области не написавшего, а всего лишь... рассказывавшего сказки. Да, они были записаны, из них Д.Н. Садовников составил книгу, ее издали в столице, и вскоре она попала во все крупнейшие библиотеки России и мира, став неотъемлемой частью отечественной письменной культуры. И все же творческий дух Абрама Новопольцева, о котором идет речь, воплощался, раскрывался через слово устное, а не письменное в произведениях, которые не только для его окружения, но еще сравнительно недавно, в начале XIX в., и для высокой литературы считались, говоря современным языком, массовой культурой, детской забавой. Тем не менее уже в середине XIX в., особенно после появления знаменитого сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки», сказки наряду с другими наиболее эстетически развитыми жанрами русского фольклора были признаны важнейшим явлением национальной культуры, а вскоре и литературы. А точнее говоря, *словесности*, ибо именно это слово употребляли в XIX в. вместо привычного для нас *литература*. Общее наименование для того, что мы сегодня привычно разделяем на *фольклор* и *литературу*, свидетельствовало о том, что на самом деле *устная* и *письменная* словесность – это два сообщающихся сосуда единого мира русской художественной Речи, два отнюдь не разделенного пропастью способа творить иную, эстетически преобразованную действительность. Достаточно вспомнить знаменитую повесть Н.С. Лескова «Левша», уникальную поэму-эпопею Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», практически любую из народных пьес А.Н. Островского, чтобы увидеть и услышать это. К сожалению, тогда сам А.К. Новопольцев, еще живой, еще по-прежнему сплетавший удивительные и искусные сказочные узоры, не был узан и признан как один из выдающихся творцов единой национальной культуры, имеющий полное право стоять рядом с Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, ибо ранняя смерть Д.Н. Садовникова помешала ему совершить такой переворот, да и общество еще не вполне было готово к нему. Представим себе на миг, что после публикации творческого портрета Абрама Новопольцева, благодаря которому к личности сказителя, несомненно, возник бы огромный общественный интерес, живой и неутомимый Д.Н. Садовников привез бы его в Петербург и сделал то, что позднее сделали для великой Ирины Федосовой учитель П.Т. Виноградов, литературный критик и общественный деятель Т.И. Филиппов, музыковед Ф.М. Истомина, – организовал бы его высту-

пления перед художественной и научной общественностью! Думаю, что и А. Новопольцев тоже вполне заслуженно носил бы тогда звание народного поэта, как и плачя земли русской И. Федосова.

Как и в ней, в А. Новопольцеве нас поражает и по сей день то большое количество произведений народной прозы, приемами которой владел этот мастер. Это, пользуясь современными жанровыми определениями, сказки, анекдоты, легенды, предания, былички, бывальщины и даже такие произведения, которые трудно обозначить через какой-то один жанр или даже вообще соотнести с традиционными жанрами фольклорной прозы. Конечно, и Д.Н. Садовникова, и современного читателя, прежде всего, захватывают его сказки. Но даже и здесь – какое удивительное богатство! Дело не только в том, что это почти все ее жанровые разновидности – волшебные, легендарные, о животных, новеллистические, кумулятивные, сказки-анекдоты. Ведь и они, в свою очередь, тоже многообразны и разнообразны по тематике, предметному миру, облику персонажей. Как точно писала о волшебных сказках Новопольцева известный исследователь русской народной сказки Э.В. Померанцева, в них «мы встречаем почти все основные сюжеты волшебной сказки: и излюбленные в русском сказочном эпосе сказки о змеборцах, и сказки о трудных задачах, выполненных с помощью зверей-помощников, и сказки о Коньке-горбунке, о волшебном кольце, чудесном бегстве, о Волке – Медном лбе, об ученике колдуна и многие, многие другие». Однако почти каждая из них при сохранении сюжетной и композиционной сказочной традиции обладает неповторимостью и уникальностью. Так, самая первая сказка в сборнике начинается в высоком эпическом, былинном ключе: князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич выходит на высокое крыльцо и бросает клич князьям, боярам и богатырям – сослужить службу, съездить на реку Смородину и убить змея о двенадцати головах. И точно в соответствии с былинным стилем ведут себя друзья-бояре, друг за дружку прячутся: «барин за барина, дворянин за дворянина, мужик за мужика». Однако этот эпизод – также типичное начало многих волшебных сказок, часто составляющий ее завязку. Новопольцев, несомненно, знал обе эти традиции и абсолютно точно и искусно сплел их в своей сказке. Самое интересное, что необычное, не характерное для русского героического эпоса применительно к князю Владимиру отчество Суслаевич не совсем выдумка сказочника. Зная страсть Новопольцева к рифме, сразу слышишь здесь отсылку к Буслаевичу, тоже герою былинному, но совершенно иного характера. Но вот что удивительно – отчество Суслаевич, скорее всего, образовано весьма традиционным способом для русского языка – от фамилии Суслаев, которая в свою очередь произошла от прозвище Сусло. Ну а

оно, вероятно, возникло как указание на род занятий его обладателя: так могли назвать того, кто варил сусло на продажу. Однако вполне допустимо и другое толкование: так могли прозвать любителя хмельных напитков. Это кажется совершенно невероятным применительно к тому высокому образу князя Владимира, каким он хранится в памяти подавляющего большинства. Тем не менее можно предположить, что появление такого отчества, с одной стороны, отражает одну из особенностей сказительского мастерства Новополяцева, о которой еще в 30-е годы XX в. писал М.К. Азадовский, отмечая, что «совершенно неподражаемы у него неоднократно вводимые им в рассказ кабацкие и трактирные сцены. Здесь как будто сказочник чувствует себя в родной и близкой сфере и недаром он зачертил себя веселым молодцом, любящим «шуточки пошутить». Невольно угадываешь за этим одного из представителей крестьянской богемы, какого-нибудь безземельного (или малоземельного) крестьянина, скитающегося по разным селам и являющегося желанным гостем шумных деревенских бесед. С другой стороны, не стоит забывать, что важнейшим эпизодом, т.н. постоянным местом, в русских былинах является пир князя Владимира. Именно на пиру он раздает государственные поручения, казнит и милует. У него на пиру бывает и напиваются. Да и Соловей-разбойник, стыдясь своего поражения, так объясняет, почему он проиграл: «Видь на ту пору больно пьян я был, У меня большая дочь была именинница». Так что заданная необычным отчеством тема пьянства отнюдь не чужда героическому эпосу, даже если ограничиться только этим сюжетом и не затрагивать десятки других, в том числе и былин о Василии Буслаевиче. Кажется, это вполне почувствовал и Абрам Новополяцев, ибо чуть ниже, когда появляется герой, а это всегда тот, кто соглашается выполнить поручение-просьбу царя, мы узнаем, что он просит у царя... водки, ибо у него «с похмелья голова болит». И, наконец, сам Ивашка Белая Рубашка, не случайно назван горьким пьяницей. Не знаю, известна ли была эта сказка В. Высоцкому, но его песня «Про дикого вепря» воспринимается как поэтическая вариация на текст Новополяцева. Напомню только несколько строк из нее:

А в отчаявшемся том государстве -
Как войдешь, так сразу наискосок -
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший, но опальный стрелок

На полу лежали люди и шкуры,
Пели песни, пили мёды - и тут
Протрубили во дворе трубадуры,
Хвать стрелка - и во дворец волокут.

И король ему прокашлял : «Не буду
Я читать тебе морали, юнец,
Вот, если завтра победишь чуду-юду,
То принцессу поведешь под венец».

А стрелок: «Да это что за награда?!
Мне бы - выкатить портвейна бадью!
А принцессы мне и даром не надо -
Чуду-юду я и так победю!

И таких, как в отмеченной сказке, искусно построенных повествований у Новополяцева огромное количество. Есть у него даже и такие сюжеты, которые не зафиксированы нигде больше в России, не отмечены в близкой украинской и белорусской традициях. Такова, например, сказка «Подменная жена», отмеченная в книге «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» под №870. Но это не означает, что сказочник просто выдумал его – случаи подмены невесты другой девушкой часто встречаются в рассказах о свадьбах, в том числе записанных сравнительно недавно. Новополяцев перестраивает этот мотив бытовых рассказов в соответствии со сказочным каноном – бедная девушка, которую принудили «сыграть» роль невесты, дабы прикрыть грех невесты подлинной (она как раз накануне свадьбы родила), становится явным после раскрытия обмана женой богатого купца, а обманщица прогоняется. Интересен и весьма знаменателен еще один мотив в этой сказке: горничная девушка удивительно похожа на свою хозяйку, поэтому обряжают ее и настоящую в одинаковые платья, чтобы обман прошел успешно. Присутствующий здесь в несколько измененном виде мотив угадывания невесты из нескольких одинаковых девушек, который также встречается в другой сказке А. Новополяцева, очень популярен в русском и мировом фольклоре, именно он также является основой яркой театрально-игровой сценки в русской народной свадьбе. Так что и здесь, создавая свой сюжет, А. Новополяцев демонстрирует удивительно талантливое владение фольклорной традицией, чувствование глубинных связей между ее отдельными областями.

Эта сторона таланта сказочника видна и в уже названной выше сказке «Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница». В традиционную финальную сказочную формулу «И я там был, мед-пиво пил...» Новополяцев вставляет необычное продолжение: «Со спины-то стали горбатеть, а спереди стали богатеть». Оно представляет собой трансформированную пословицу, которая также часто используется как пожелание на свадьбах: «Жить, да богатеть, да спереди горбатеть». «Спереди горбатеть» в пословице и пожелании означает прибавляться в потомстве, но в варианте Новополяцева появился совсем другой, подлинно народный смысл: только трудом, да к тому же тяжелым, упорным, можно нажить богатство. В таком переформатировании традиционной пословицы проявились не только широта его знаний фольклорной традиции, но и удивительно виртуозное владение стихией русской образной речи. Эта грань его таланта отмечали все, кто писал о нашем знаменитом земляке, называя его вполне справедливо «сказителем-балагуром», «сказочником-увеселителем».

Действительно, А. Новополяцев являет нам тип сказителей-балагуров, неизменных участников «веселых бесед», любимых членов артелей, тип сказочника-увеселителя, как называют его некоторые исследователи. Среди важнейших особенностей такого балагурного стиля, по мнению ученых, – рифмовка. Она присутствует почти во всех частях его сказок, включая зачины и концовки. В качестве наиболее характерного образца этого приема часто приводят «Байку

про тетерева», в котором есть такой абзац. «Они тут поиграли, носом из носу слюнку принимали, по кусточкам бродили, местечко искали, гнездышки свивали, яичушки сносили и деток выводили. С детками они во чисто поле ходили, деток мошками кормили, на вольный свет выводили и по вольному свету летали и опять зимой в снегу ночевали. «А одна-то ночь с детьми не идет (куда ни шла)! Чем нам дом заводить, лучше на березыньках сидеть, в чисто поле глядеть, красну вёсну встречать, шулдар булдар кричать!». В этом фрагменте сказки поражает органическое и неповторимое сочетание смеха и нежности, детской чистоты, непосредственности и мудрой простоты. Этот пример наглядно показывает, что не только грубоватый мужской смех, весьма вольные и резкие сатирические выпады, но и детское веселье, забавная игра смыслами и словами были присущи А. Новопольцеву. Можно также предположить, что он умел мастерски передавать особенности говорения персонажей. Создавая, например, образы зверей в сказке «Лиса и Кутафей Иваныч», он искусно передает речь некоторых из

них, играя голосом: Кутафей Иваныч у него говорит грубо, заяц – тонко, медведь – басит. Может, поэтому среди сказок А. Новопольцева есть и такая, в которой сказочник должен был петь, как, например, в сказке «Коза Тарата». Интересно, что, передавая манеру исполнения Новопольцевым этой песенки козы, Садовников так графически ее обозначил: «Я не сы-та, я не пь-на, Я по горкам не хо-ди-ла Ковылочку не щи-пала, Осинушки не гло-да-ла, Под бе-резкой не ле-жала!» Вероятно, он поступил так потому, что это было своеобразное речитативное исполнение, весьма похожее на скандирование стихов детьми.

К этим примерам можно было бы добавить еще несколько десятков из его сказок, но и приведенных достаточно, чтобы увидеть яркое сказительское мастерство А. Новопольцева, его поразительно талантливое владение искусством народного художественного красноречия, что и позволяет говорить о нем как о выдающемся мастере русской художественной Речи и ставить в один ряд с писателями-классиками.

ОБ АБРАМЕ НОВОПОЛЬЦЕВЕ

Новопольцеву принадлежит одно из первых мест в галерее мастеров русской сказки, по количеству же и разнообразию записанных от него текстов, по богатству своего репертуара он занимает, бесспорно, первое место.

М.К. Азадовский, литературовед

Сказки его – одни из крутейших и лучших, отличающиеся оригинальным построением, комбинацией сюжетов и мастерской передачей.

Б.М. Соколов, ученый-фольклорист

Новопольцев – талантливый стихотворец, удивительно легко владеющий рифмой, которая у него встречается не только в шаблонных для каждого сказочника зачинах и концовках, но пронизывают

всю ткань его произведений, определяя часто и сюжетное положение, и характер героя, его имя.

К.А. Селиванов, историк

Наш заволжский сказочник – яркая художественная натура с сильным умом и острым взглядом, с богатым словарем. Это не простой любитель-дилетант, а первоклассный мастер, артист своего дела, человек призвания, много работающий над своими сказками. Огромная память, широкий размах творческого воображения давали ему возможность придумывать, украшать сказки, создавать новые вариации.

Семьдесят две сказки Новопольцева – щедрый вклад в сокровищницу русского сказительного творчества.